

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

*К семидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1976

ЗНАЧЕНИЕ АРЕАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Ареальная лингвистика, самым тесным образом связанная с детальным изучением диалектных данных, значительно расширяет возможности компаративиста. Компаративист пользуется довольно ограниченным набором данных для сравнения, нередко стремится представить процесс развития звуков, форм линейно, отмечая на этой линии возможные этапы развития. Последнее может привести исследователя к довольно односторонним выводам. Так, например, первоначальный *й* трансформируется в *дж* — эта сравнительно обедненная схема исторического развития не дает детального представления, как такой фонетический процесс мог происходить в действительности; исследователь в таком случае может только гипотетически предполагать возможные промежуточные звенья развития этих звуков. Преимущества лингвиста, занимающегося проблемами ареальной лингвистики, заключаются в том, что он, благодаря большому количеству зафиксированных состояний звуков, форм на различных территориях, имеет возможность составить более наглядное и реально осязаемое представление об этих процессах. Так, например, материалы ареальных исследований свидетельствуют о том, что вышеупомянутый переход *й* > *дж* не был внезапным, а вначале имели место многочисленные колебания, постепенный захват старого *й*. Зарегистрированные зоны вибраций *й*, *дж*, *ж* отражают такие состояния языков, когда либо начинается аффрикатизация *й*, но она не полностью завершилась, либо, наоборот, происходит йетизация *дж* вследствие контактирования. Действовала и тенденция освободиться от старого *й*, как звука более слабого, и заменить его аффрикатой *дж*. Сам процесс аффрикатизации *й* сохранил в реликтовом состоянии промежуточные ступени, в числе которых одной из ранних является ступень *й* > *д/д'*, а вся схема может быть представлена в виде ряда *й* > *д'* > *дж* > *ж'* > *ж* > *з*. Ср. говор казахов Кустанайской обл.: *дүзік* ~ *жузік* 'кольцо', *дүз* ~ *жуз* 'сто' (Байжолов, 11); галля-аральский говор Самаркандской обл., узб. яз.: *дастық* вм. *жастық* 'подушка' (Эгамов, 11); к-калп. диал. *дастык*, аз. диал. *думрух* вм. *йумрух* 'кулак' (Шира-

лиев, 85); к.-балк. диал. *дулдуз~жулдуз~зулдуз* 'звезда' (Аппаев, 48).

Ареальные исследования языков позволяют в известной мере определить истоки, начало явления, обнаруживаемое на одних территориях и получившее продуктивное развитие на других территориях. Ареальная лингвистика обнаруживает подходы к будущему изменению. Так, например, десингармонизация части узбекских диалектов, в частности ослабление палатальной гармонии, была усилена иноязычным влиянием. Истоки же этого сложного фонетического явления коренятся в самой системе вокализма тюркских языков. Неустойчивость фонемы *a*, ее потенциальная склонность к разного рода фонетическим трансформациям (ср. *a~ы*, *a~o*, тенденции к опереднению, явление умлаута), совпадение фонем *ы* и *и*, *o* и *ө* (ср. узб., уйг., кирг. говоры) — все это приводило к ослаблению сопротивления гласных фонем по ряду, а последнее имело своим результатом десингармонизованные ряды. Этот перебой рядов, как импульс дальнейших изменений, нашел отражение в различных диалектах и говорах тюркских языков (ср. ноокат. говор кирг. яз.: *тáуá* вм. литер. *ата́на* и т. д.). Истоки разрушения палатальной гармонии следует искать и в таких внутрисистемных особенностях фонетической структуры тюркских языков, как более задняя артикуляция умлаутированных гласных в кыпчакских языках, повышенная склонность к редукции в кыпчакских языках, тенденция к опереднению *k* и его трансформации в *ç* — факты, широко отмеченные на материале живых диалектов среднеазиатских тюркских языков, которые могли приводить к ослаблению сопротивляемости по ряду, а тем самым и к десингармонизации. Истоки фонетического явления оканья можно зарегистрировать также там, где фиксируется некоторая открытость слегка редуцированного начального *a* первого слога (типа *kápa*). Исторические фазы развития оканья (при его усилении в иноязычном окружении) хорошо просматриваются в системе узбекских диалектов и соприкасающихся с ними других диалектов тюркских языков, где зарегистрированы поэтапные внутрисистемные изменения фонетической структуры. Появление фонемы *á* обуславливает характер и распределение фонем *ä* и *a*. Зарегистрированные к юго-востоку от Ташкента в районе Ангренской долины, в местах, где не было особого смешения с таджикским населением, многочисленные случаи неустойчивости, вибрации оканья и аканья отражают и сам процесс становления и угасания оканья.

В связи с преимуществами ареальных исследований, которые предоставляют лингвисту в живом их выражении зарегистрированные промежуточные этапы в развитии отдельных звуков, форм, уместно привести одно довольно образное высказывание немецкого диалектолога Райнера Хильдебрандта. Характеризуя «Диалектологический атлас немецкого языка», который в одном синхронном срезе дает возможность представить как бы всю

историю языка, автор замечает по этому поводу следующее: «Оптически синхронная картина немецкой языковой области образцово представлена сотнями карт. Все немецкие диалектные ландшафты могут быть показаны со всеми подробностями на многочисленных картах. Такие примечательные изменения звуков в истории немецкого языка, как верхненемецкое передвижение согласных, новонемецкая дифтонгизация и монофтонгизация, а также многие случаи территориально ограниченных изменений звуков, предстают в одном синхронном срезе перед глазами».¹

Данные ареальных исследований дают возможность зафиксировать реликты древних, ныне исчезнувших форм.

СОХРАНЕНИЕ ФОРМЫ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА НА *-ИҢ/-ЫҢ* В МЕСТОИМЕНИЯХ

Ср. туркменские диалекты: човдурский, ёмутский, сарыкский, эрсаринский, ставропольский: *бизиҗ диллимизде* 'в нашем языке', *бизиҗ ерлеримиз* 'наши земли' (Очерк диал. турк., 241). Форма *бизин* зарегистрирована в кубинском диалекте, закатальско-кахских говорах азербайджанского языка. В качестве нормативной эта форма принята в ногайском и кумыкском языках;² в языке западносибирских татар форма *минеу* соответствует литер. тат. *минем*.³ Притяжательное местоимение типа башк. *минеу* как развившееся на базе родительного падежа хронологически возникло позже (другая модель притяжательных местоимений образовалась на базе притяжательных аффиксов — тат. *минэм* 'мой', тур. *benim*).

В икано-карабулакском говоре узбекского языка сохраняется форма родительного падежа на *-уу* (при литер. узб. *-нуу*). Ср. *а : дую* 'твое имя'.⁴

СОХРАНЕНИЕ ФОРМЫ ДАТЕЛЬНО-НАПРАВИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА НА *-к*

Существование некоего самостоятельного падежа на *-к* прослеживается в диалектах тюркских языков.⁵ Ср. эрсар. диалект турк. яз.: *Кервен Керкәк гелйо:р, соура гайра өтйә:р* ~ *Кервен Керкә гелйәр, соура гайрак гелйәр; илери:к* ~ *илери; ичери:к* ~ *ичери* (Аннануров, 145—146).

Особый аффикс направления *-q//k* отмечает и Н. К. Дмитриев: *jerik* 'на место', *joqagьq* 'вверх', *piгәk* 'куда'. Этот аффикс особенно характерен для текинского диалекта. Ср. еще *ичер-йк* 'внутри', *бир ер-йк* 'куда-нибудь в одно место, куда-то', *ауьбик бәр-йк* 'туда и сюда'.⁶

СОХРАНЕНИЕ ФОРМЫ НАПРАВИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА (ДЕТЕРМИНАТИВА) НА *-н*

До настоящего времени следы детерминатива на *-н* исследователи усматривали в окончаниях некоторых послелогов, а также в аффиксе исходного падежа на *-дан*. Ср. чув. послелог *таран*,

означающий 'до': *сырма ра шыв пилёк таран* 'в речке вода по пояс'; тат. *карт алга табан атлады* (Идел белән Урал арасында. Казань, 1970, с. 42) 'старик шагал вперед'. Ср. еще ног. *тамаган* 'к': *кешке тамаган* 'под вечер' (Ног., 330) или чув. послелог-аффикс *-чен* (*-ччен*), указывающий на предел, ограничение во времени какого-либо действия, например: *тăхăр сехетчен* 'до девяти часов'. Сохранение детерминатива на *-н* Б. А. Серебрянников видит и в форме чувашского дат.-вин. пад. *-на/-не* вм. *-а/-е*: *лашана* 'лошади', *ёнене* 'корове'.⁷

Результаты исследования тюркских языков в ареальном плане подтверждают гипотезу об исторически существовавшем детерминативе на *-н*. Последний сохраняется в особой форме дат. пад. типа *маган*, зарегистрированной во многих диалектах тюркских языков Средней Азии. Ср. каз. *маған* 'мне', *саған* 'тебе', *оған* 'ему'; узб. диал. *маған*, *саған*, *уған*.⁸

СОХРАНЕНИЕ ФОРМЫ ИНСТРУКТИВА НА *-ЫН*

Гипотеза о существовании инструктива на *-ын* могла строиться на основании материалов зарегистрированных ранних памятников тюркских языков. Ср. среднеазиатский тефсир XII—XIII вв.: *имлайди анлар таба қашин кбзин* 'подавал ему знаки бровями и глазами' (Боровков, 206) и т. д. Модель глагольных словосочетаний с именем в инструктиве на *-ын* не встречается в современных тюркских языках. Можно говорить лишь об отдельных следах этого падежа. Реликтом инструктива являются образования, встречающиеся во многих литературных тюркских языках, типа к-калп. *джазын* 'летом', *гюзин* 'осенью' и т. д. Остатки инструментального падежа сохранились в некоторых образованиях современного чувашского языка. Ср. *аллăн пар та уран ут* (посл.) 'руками отдай, а ходи ногами'; *кусан кур* 'своими глазами видеть, воочию видеть' (Мат. гр., 27). Остатки древнего инструментального падежа В. В. Радлов усматривает в якутском показателе совместного падежа *-лыын*, возникшего якобы из древнего инструментального падежа прилагательных на *-лык/-лых* с приращением афф. *-ын* (*абалыын* из *аба+лык+ын*).⁹ Живые диалекты тюркских языков сохраняют следы употребления инструктива *-ын*. Ср. западный диалект казахского языка: *көктегіні қолын созып албандай* вм. *көктегіні қолымен созып албандай* 'как будто он рукой достает то, что находится на небе' (Аманжолов, 317); барабинский диалект западносибирских татар: *цэйнэ сѳтэ йузын цѳтэм* 'я пью чай без молока' (Тумашева, 1969, 33).

СОХРАНЕНИЕ ПАДЕЖНОЙ ФОРМЫ НА *-ЧА*

Материалы диалектов тюркских языков свидетельствуют о необходимости разграничивать падеж на *-ча*, имеющий направительное значение, и падеж на *-ча*, имеющий сравнительное значение.

В татарском, узбекском, уйгурском языках показатель дат.-напр. пад. *-ча* сохранился в образовании *-гача*. Ср. уйг. *Кудрэт сәһәрдин та һазирбичә буздай ориди* (Босаков, 10) 'Кудрет с утра до настоящего момента жал пшеницу'. В ранних памятниках тюркских языков зарегистрировано и производное от направительного пролативное значение: уйг. пам. XIII в. . . . *öñi jolča jorutdy*. . . 'проводил другой дорогой' (Малов, 1951, 137).

Сравнительный падеж на *-ча*, зарегистрированный в ранних памятниках тюркских языков, сохранился и в современных языках и их диалектах. Ср. Кюль-Тегин: *қаньу субча јјгүрти* . . . 'твоя кровь бежала (там), как вода' . . . (Малов, 1951, 39); ташкентский говор узб. яз.: *семъзльгъ сәнчә бәр* 'его полнота, примерно как у тебя' (Гулямов, 1968, 48). Сравнительное значение показателя *-ча* сохранилось в современных тюркских языках в целом ряде образований (преимущественно наречных) типа *русча* 'порусски'. По-видимому, сравнительный падеж на *-ча* восходит к *-ча*, имеющему значение уподобительности, приблизительности, что опять-таки нашло отражение в материалах диалектов среднеазиатских тюркских языков. Ср. ноокатский говор кирг. яз., бытуцкий в Ошской обл.: *уч пәрккәчә* 'до трех листьев' (Бакеев, 12). Значение приблизительности есть основания связывать со значением уменьшительности, отсюда и возможная связь этого аффикса *-ча* с аффиксом уменьшительности.

СОХРАНЕНИЕ УСИЛИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИЦЫ *-СЫ* МЕСТОИМЕННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Диалекты киргизского языка сохраняют в реликтовом состоянии любопытный местоименный элемент *-сы*, родственный, очевидно, усилительной частице. Ср. джергетальский говор кирг. яз.: *кышындасы* 'зимой', *кечиндеси* 'вечером' (Мукамбаев, 15); тулейкенский говор кирг. яз.: *жазындасы* 'летом, весной', *түндөсү* 'ночью' (Гуряджанова, 15).

Не исключена возможность, что усилительная частица *-сы* материально родственна притяжательному аффиксу *-сы* (ср. тат. *анасы* 'его мать'). Вероятность такого предположения обосновывается тем, что притяжательные аффиксы в тюркских языках восходят к местоименным основам. Усилительные частицы, как показывают материалы многих языков, восходят к местоименным основам, поэтому не исключена возможность, что какая-то местоименная основа *-сы* в одних случаях превращалась в усилительную частицу *-сы*, а в других случаях послужила основой для образования варианта притяжательного аффикса 3 л. ед. ч. *-сы*, выступающего обычно после основ на гласный.

РЕЛИКТЫ ДРЕВНИХ ПРИЧАСТНЫХ И ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ФОРМ

Аффикс *-к* существовал уже в общетюркскую эпоху, где он образовывал причастия, реликты которых сохраняются в современных тюркских языках, — ср. каз. *қорқақ* 'трусливый' (первоначально 'боящийся'), тат. *кисәк* 'кусок' (первоначально 'отрезанный') и т. д. Диалекты тюркских языков до настоящего времени сохраняют эти реликты в живом состоянии. Ср. карачаевский диалект карачаево-балкарского языка: *оқиғуд* 'тот, кто будет учиться' (по любезному сообщению У. Б. Алиева). В диалектах туркменского языка (эрсаринском, човдурском и др.) аффиксы *-ик*, *-ук*, *-үк*, *-к*, *-ике* функционируют как деепричастия. Ср. эрсар. диал. *урукъ гъашдыхъ* вм. *уруп гачдык*; *гөрүк гъайтды* вм. *гөрүп гайтды* (Аннануров, 171); салыр. диал. *дурыкъа жоғъап берди* вм. *дурагадан жогап берди* (Атаджанов, 13).

Деепричастная форма *-ан*, зарегистрированная в современном якутском языке, корреспондирует с реликтовыми образованиями, сохранившимися в ряде живых диалектов тюркских языков. В диалектах узбекского языка, у западносибирских татар, а также в диалектах туркменского языка зарегистрирована отрицательная форма деепричастия *-майын*, *-ман*, содержащая элемент *-н*, который лежит и в основе аффикса *-ан*. Ср. бахмалский говор узб. яз.: *бармайын қойды* вм. *бормасдан қуйды* 'перестал ходить' (Данияров, 12); тюменский говор: *үсләре правленьяга цагырып әйтмәйән*, *мин әштә пуламын* 'пока они сами не вызовут меня в правление и не скажут, я буду работать' (Тумашева, 1956, 116); туркменская пословица: *доқ чайқанман, ач доймаз* 'пока не возволнуется сытый, голодный не насытится' (Аннануров, 7).

Деепричастие *-ан* прослеживается и в усложненной форме *-ыбан*, зарегистрированной и в диалектах среднеазиатских тюркских языков. Ср. ташкентский говор узб. яз.: *сәкрәбән тә: мән-гәгә чьтәм бәр қъзъл әлмәнг учун* 'я, выскочив, влез на крышу твоего дома за твоим красным яблоком' (Гулямов, 1968, 137).

Тот же элемент *-н* лежит в основе усложненных форм: *-гачын* // *-гәсен*, *-дыкчан*. Ср. казмашевский говор башк. яз.: *үзеү иркәләмә-гәсеү*, *мин дә иркәләмәйм* 'раз ты сам не ласкаешь, и я не буду ласкать' (Ишбулатов, 103); кубинский диалект аз. яз.: *Биз кид-дикчән јул да узанади* (Рустамов, 262).

РЕЛИКТЫ ДРЕВНЕГО ДЕЕПРИЧАСТИЯ НА *-ЧА*/*-Ч*

В тюркских языках имеются следы деепричастия на *-ча*. Ср. тат. *алмыйча* 'не беря'. Тот же элемент *-ча*, очевидно, лежит в основе следующих деепричастных образований. Ср. *-гыча*, *-гуча*, *-ганча*: кирг.: *ар арыкты казгыча*, *Муса да келип калат* 'пока он докопает арык, и Муса подойдет' (Мураталиев, 16); говор кашгарских уйгуров: *ба(р)бунча* 'пока дойти' (Кайдаров, 100);

-гач: човдурский диалект туркм. яз.: *базардан гелгеч, ише гиттим* 'как только пришел с базара, пошел на работу' (Машков, 84); -дыкча: акногайский диалект: *оъзуь айтпадыкъша сорама* 'пока сам не скажет, не спрашивай' (Калмыкова, 19).

РЕЛИКТЫ ПРИЧАСТНОЙ ФОРМЫ -ДЫК

Не только огузские, но и кыпчакские языки сохранили причастную форму на -дык. Ср. алт. туба: *мору, мөрү, сен дьедик кой көрүп салдым — деп айткан* 'волк, волк, я видела овец, которых ты мог бы съесть' (Баскаков, 1965, 28); наряду с текинск. диалектом туркм. яз. *бармадыкъ ери гъа:лмады* (Очерк диал. туркм., 322) 'не осталось места, куда бы он не ходил'. Ср. еще эрсар. диалект: *гирдиги йо:къдур* вм. *гирйэн дэлдир* (Аннануров, 169) 'он не входил'.

Модель полной формы -дыг сохранилась в качестве формы прошедшего категорического, как известно, в ранних памятниках тюркских языков. Ср. *олар таъка аьдук* 'они взошли на гору'; *мэн мунда турдук* 'я здесь встал' (МК III 61), и т. д. Форма -дык в качестве прошедшего категорического времени сохранилась в некоторых диалектах тюркских языков. Ср. айрумский говор аз. яз.: *Әли, гадеји чаъырмадыг мы һалә дә сән?* 'Али, ты еще не позвал мальчика?' *Елә қин, гәлдиқ, гәрдуқ јохум, да гәздәмәзинән мәни* 'Как только пришел, увидел, что меня нет, уже не жди меня' (Садыхов, 1966, 180).

СОХРАНЕНИЕ ПРИЧАСТНОЙ ФОРМЫ -МЫШ В КЫПЧАКСКИХ ЯЗЫКАХ

Не только в огузских, но и в кыпчакских языках сохраняется форма причастия на -мыш. Ср. говор казахов Кустанайской обл.: *айтылмыш* 'сказанное', *озмыш* 'обгоняемый' (Байжолов, 20); мангышлакский говор каз. яз.: *тұрмыс* 'жизнь', *қылмыс* 'преступление' (Омарбеков, 20); ташкентский говор узб. яз.: *кълмъш — кълдърмъш* 'делавший другим зло — человек, искавший для себя зло' (буквально: 'делавший — искавший') (Гулямов, 1968, 133).

РЕЛИКТЫ ДРЕВНЕГО ПРИЧАСТИЯ НА -(У) ЛЫ

На западе Казахстана довольно распространена глагольная форма прошедшего времени на -улы ~ -улі вместо ожидаемых форм прошедшего времени на -ган или -ып, -п. Ср. *Омар Москва барулы* 'Омар съездил в Москву', *келулі* 'оказывается приехали'. Есть основания считать, что форма прошедшего времени на -улы могла развиться на базе причастных свойств этого образования. В этой связи следует отметить, что Н. И. Ильминский рассматривал форму -улы, как обладающую причастными свойствами.¹⁰ Ж. Дени полагал, что в основе афф. -ылы (этимологически родственного -улы) лежит аффикс -ы, осложненный показателем стра-

дательного залога. Сами производные он квалифицировал как обычные причастия, получившие, благодаря форманту *-л*, страдательное значение.¹¹

Э. В. Севортян подчеркивает, что пассивное значение производных образований, в частности от имен с *-ылы*, объясняется, видимо, сочетанием имени действия и аффикса *-лы*. Ср. аз. *ја-ралаы* 'раненый', *дамбалаы* 'клейменный', каз. *тұсаұлы* 'стреноженный'.¹² Автор показывает удельный вес такого типа образований в отдельных тюркских языках, отмечая, что происхождение производных от глагольных основ можно объяснить действием аналогии.¹³ Ср. аз. *јазылы* 'написанный' от *јаз* 'писать', турк. *бакылы* 'откармливаемый, откормленный' от *бак* 'пасти, кормить'.¹⁴

Нам представляется, что в основе такого типа образований лежит тот же древний причастный элемент *-л*, что и в основе формы *-улы*, но осложненный другими родственными показателями *-ы/-у-л-ы*. Такое предположение подтверждается тем, что в тюркских языках, хотя и в незначительной степени, но прослеживаются образования с аффиксом *-л*, которые могут иметь значение результата действия. Ср. тур. *сөкүл* 'ил, осадок (речной)' (т. е. первоначально — то, что осело) от *сөк-* 'оседать', др.-тюрк. *kartal* в *kartal et* 'мясо, разделенное на куски'.¹⁵ Ср. еще кирг. *жыргал* 'удовольствие, наслаждение, благоденствие' от *жырга-* 'получать удовольствие, наслаждаться, блаженствовать', башк. *бөгәл* 'излучина' (т. е. то, что согнуто) от *бөк* 'гнуть'.¹⁶

Вышерассмотренный материал свидетельствует о существовании отглагольных образований, содержащих аффикс *-(ы)л*, с которым можно связать специализированное значение причастия прошедшего времени. Сохранились реликты, указывающие на возможность контаминации показателя *-л* с близкими по значению аффиксами (как известно, контаминируются аффиксы, близкие по значению); такие усложненные контаминированные образования могут выражать названия действия. Ср. афф. *-гил* (*-г/к+-(и)л*): др.-тюрк. *бісүл* 'рванный, растрескавшийся' от *біс-* 'резать'; узб. *откул* 'место перехода, перевал' от *от-* 'переходить, проходить'.¹⁷ Аффикс *-овул* (= *аүл > awul > aul : -аүл + л*): кирг. *чабуул* 'быстрая езда, скачка, набег' и др. от *чан-* 'быстро бежать' и др.; *жортуул* 'грабеж' от *жорт-* 'рыскать (в поисках врага, добычи)', каз. *жортуыл* 'набег' и др. от *жорт-* 'бежать мелкой рысью' и т. д.¹⁸ Аффикс *-ылы* (*-(ы)л + -ты*). По наблюдениям Ж. Дени и вслед за ним Э. В. Севортяна, в образованиях на *-ылы* содержится идея устойчивости, постоянства . . . она проявляется здесь в форме повторения или устойчивости какого-либо шума (или движения, сверкания).¹⁹ Ср. аз. *динжилти* 'шатание, подпрыгивание, тряска, пляска', *жумбулту/жуппульту* 'бухане, грохот', *мијовулту/мовулту* 'мяуканье'.

Таким образом, широкое использование показателя *-(ы)л* в образованиях, передающих названия действия, процесса, его результат, свидетельствует о том, что сама передача процесса

действия могла возникнуть на базе древнего причастного значения, поскольку, как известно, причастное значение связано с передачей устойчивого результата действия, а последнее оказалось пригодным для обозначения постоянного признака.

Итак, название признака действия может развиваться на базе причастия (ср. еще башк. *бөгәл* 'излучина', 'то, что согнуто').

Итак, в форме *-улы* есть основания видеть реликт древнего причастия на *-л*. На причастный характер этой формы *-улы* также указывает передаваемое им значение прошедшего неочевидного. Ср. аналогичное развитие модального значения неочевидности на базе причастия *-ган*.

Гипотетически можно предположить, что причастный элемент *-л* содержится и в зарегистрированной в киргизском языке связке *эле*, аналогичной общетюркской *эди*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Hildebrandt K. Der Deutsche Wortatlas als Forschungsmittel der Sprachsoziologie. — In.: Nordgeographie und Gesellschaft. Berlin, 1968, S 140.

² Исхаков Ф. Г. Местоимения. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, II. М., 1956, с. 218—219.

³ Ахатов Г. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963, с. 158.

⁴ Поливанов Е. Д. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент, 1933, с. 27.

⁵ Б. А. Серебrenников след этого падежа видит в окончании инфинитива *-mak, -mek* — см.: Серебrenников Б. А. К вопросу о происхождении элемента (g, q, γ) в окончании дательного-направительного падежа в тюркских языках. — КСИНА, вып. 83, 1964, с. 69.

⁶ Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962; Туркменские народные сказки. М.—Л., 1954, с. 51.

⁷ Серебrenников Б. А. О некоторых проблемах исторической морфологии тюркских языков. — В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971, с. 283. О фузии, как технике образования аффиксальных морфем см.: Кононов А. Н. О генезисе тюркских аффиксальных морфем. Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. М., 1974, с. 38—40.

⁸ См., например, Боровков А. К. Вопросы классификации узбекских говоров. — Изв. АН Узб. ССР, 1953, № 5, с. 73.

⁹ Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Якутск, 1947, с. 113.

¹⁰ Ильминский Н. И. Материалы к изучению киргизского языка. Казань, 1861, с. 20.

¹¹ Деппу J. Grammaire de la langue turque. Paris, 1921, S. 853.

¹² Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, с. 266.

¹³ Там же.

¹⁴ Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования. . . , с. 267—268.

¹⁵ Там же, с. 192—193.

¹⁶ Там же, с. 193.

¹⁷ Там же, с. 194.

¹⁸ Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования. . . , с. 238—239.

¹⁹ Деппу J. Grammaire de la langue turque, § 858; Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования. . . , с. 184—185.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Аманжолов — Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959.
- Аннануров — Аннануров А., Бердыев Р., Дурдыев Н., Шамуратов К. Эрсаринский диалект туркменского языка. Ашхабад, 1972.
- Аппаев — Аппаев А. М. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960.
- Атаджанов — Атаджанов М. Салырский диалект туркменского языка. Ашхабад, 1959.
- Байжолов — Байжолов А. Языковые особенности казахов Кустанайской области. Алма-Ата, 1964.
- Бакеев — Бакеев К. О. Ноокатский говор Ошской области. Алма-Ата, 1952.
- Баскаков, 1965 — Баскаков Н. А. Диалект черневых татар (Туба—Кизи). М., 1965.
- Боровков — Боровков А. К. Лексика среднеазиатского тѣфсира XII—XIII вв. М., 1963.
- Босаков — Босаков Ж. Қайнам. Алмута, 1964.
- Гулямов, 1968 — Гулямов Я. Г. Грамматика ташкентского говора. Ташкент, 1968.
- Данияров — Данияров Х. Бахмалский говор узбекского языка. М., 1955.
- Ишбулатов — Ишбулатов Н. Х. Говор деревни Қазмашево Абзеловского района БАССР. М., 1955.
- Кайдаров — Кайдаров А. Т. Развитие современного уйгурского литературного языка. Алма-Ата, 1969.
- Калмыкова — Калмыкова С. А. Акногайский диалект ногайского языка. М., 1965.
- Малов, 1951 — Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
- Мат. гр. — Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1957.
- Машков — Машков Х. А. Човдурский диалект туркменского языка. Ашхабад, 1949.
- Мукамбаев — Мукамбаев Ж. Джергетальский говор киргизского языка. Фрунзе, 1955.
- Мураталиев — Мураталиев М. Придаточные предложения времени в киргизском языке. Фрунзе, 1962.
- Ног. — Ногайско-русский словарь. Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1963.
- Омарбеков — Омарбеков С. Мангышлакский говор казахского языка. Алма-Ата, 1960.
- Очерк диал. турк. — Туркмен дилиниц диалектлериниң очерки. Ашгабат, 1970.
- Рустамов — Рустамов Р. А. Глагол в диалектах и говорах азербайджанского языка. Баку, 1964.
- Садыхов — Садыхов Б. П. О некоторых кыпчакских элементах в айрумском говоре азербайджанского языка. В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1966.
- Тумашева, 1956 — Тумашева Д. Г. Язык татар Западной Сибири (тюменский говор). — Уч. зап. Казанского гос. ун-та, т. 116, кн. II. Казань, 1956.
- Тумашева, 1969 — Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам. М., 1969.
- Туряджанова — Туряджанова М. Тулейкенский говор киргизского языка. Фрунзе, 1954.
- Ширалиев — Ширалиев М. Азербайчан диалектолокијасынын есарлары. Бақы, 1962.
- Эгамов — Эгамов В. Галля-аральский говор Самаркандской области. Самарканд, 1954.